

РЕВАНШ

Поэтический сборник

Пенза
2012

ББК 84 (2Рос) 6
Р 96

Р 96 **Реванш:** поэтический сборник / Под редакцией Лидии Терёхиной; Сост. Сергей Жидков. – Пенза: Издательство ПГПУ, 2012. – 158 с.

В сборник включены стихи поэтов – участников клуба «Берега» при журнале «Сура» и друзей клуба. Это философская и социально-гражданская лирика.

Оформление – Антон Шумилин

ББК 84 (2Рос) 6
Р 96

© Коллектив авторов, 2012
© С. Жидков, 2012
© Л. И. Дорошина, 2012
© А. Шумилин, оформление, 2012

*Люблю Отчизну я,
но странною любовью
М. Ю. Лермонтов*

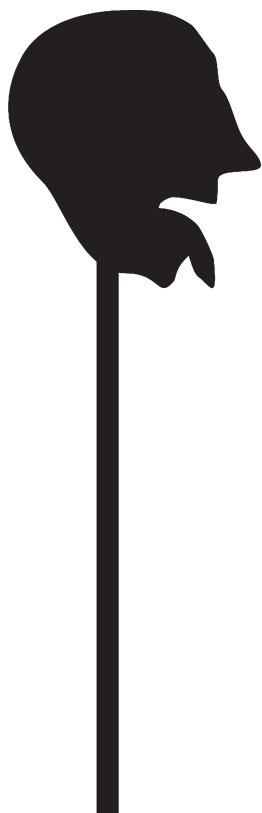
Октябрь. Туман. В тумане фонари... На пустынных скрещеньях дорог сквозь пещерный Хаос вызревшего мрака солнца вырывается долина русского раздолья. Истощённая борьбой ураганов с туманами гармоний земля пестрит чёрными крестами, к которым больше некому придти, золою давно сожжённых станиц, наёмом табуна одичалых коней, монгольскими лошадами, влачащими ясак, бредущими по снежной пустыне рабскими, запуганными заморскими нагайками, половецкими плетями, хлещущими рабскую плоть под грозный смех колокольчиков. Такова древняя правда бешеной тройки вольного русского поля.

Куда мы пришли? Эту жизнь затянуло болото. Спасительно-ласковый мир теперь уже проданного поля вкатан в асфальт. Подсвеченный рекламными щитами телевизор правдоподобно вмещает тесный формат поры полноправья: эфемерный рай рекламы «Скидка, пряник, кредит, пах, кнут...», воспаленный тупик светотерапии в глазах никчёмной старухи, торгующей газетами о Ленине – последнем напоминании о жажде заорать и проснуться в Советском Союзе. Сданное в аренду солнце освещает силуэты бараков, кварталов, удушенных мёртвой петлёй перестройки. Но растущие на русских раздольях безупречные в эксплуатации плантации свежих рабов ещё не утратили веры в Бога – той самой, которая

всё чаще бьёт в сердце тромбом раскаянья, той самой, от которой остались лишь красивые фразы и пыльный портрет царя. Она ушла и ещё не родилась другая.

Воровата, боса и пьяна? Эту эпоху ещё предстоит прочесть, услышать и понять. Но застрявшее на перекрёстке дорог и судеб время уже бредит жаждой реванша. Глубоко захороненное семечко новых эр уже слышит раскаты рвущего вены грома растущих и зреющих в нём людей. Скоро семечко будет дубом. Скоро семечко будет гробом. Но страшно не то, что тебя здесь не будет, а то, что здесь будет всё так, как и было.

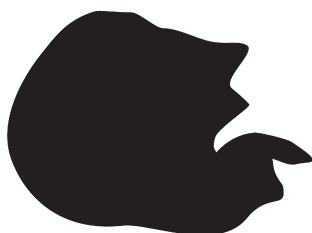
Сергей Жидков



БАШ

**Н
А**

БАШ



АННА МАРТЫШИНА

ГРОМ

Мрак солнца вызрел, заря кипит...
В клубах опала
Теплом купала
Цветную душу свою Лилит.

Косы небесной скупая прямоть,
Красы телесной сухой восторг..
В земле осталась
Одна усталость,
Бесплодной жизни холодный шёлк.

В руках творящего спит истома,
Грядущий абрис пернатых фей..
А в горле комом
Прилипла кома
От силы рвущего вены грома
Растущих, зреющих в нём людей.

АЛЕКСАНДР МЕЛЕДИН

* * *

Пусть Парка оборвёт пустого сердца пыл,
Пусть тот, кто с пеплом ел и со слезами пил,
Сжимал десницей меч, а шуйцей – чётки,
Осудит век мучительно-короткий;
Пусть пыль с отеческих могил
Подскажет правильные нотки...

...полупрозрачный полумесяц лодки
Скользит сквозь грань земли, где я когда-то жил...

ЛИДИЯ ТЕРЁХИНА

РУССКИЙ НАРОД

Намёт табуна одичалых коней,
вкрапление крови ордынских князей,
подруг Артемиды остуженный нрав
и шелест сквозь прах прорастающих трав,
хазарскую ярость, оскал, акинак,
монгольских лошадок, влачащих ясак,
по снежной пустыне бредущих рабынь,
славянской души неизбывную стынь...

Всё это бродило и зрело во мне,
в России – неведомой русским стране.

Коль нам не понять её, где ж чужакам!
её б им, как девку, пустить по рукам...

Германцы, французы и прочая чужь
терзали земли истощённую грудь.

Народ наш из праха вставал, как трава,
ведь память его и под спудом жива.

Он помнит намёт одичалых коней,
он носит в себе кровь ордынских князей,
сдержав амазонок воинственный пыл,
он знает, что будет всегда как и был.

КИРИЛЛ ЛЕДЯЕВ

* * *

Я в былое взглянул, чтоб себя рассмотреть,
Отыскал я такого точь-в-точь.
Слышу, гулко в степи половецкая плеть
Хлещет рабскую плоть.
Неужели я есть этот раб, чтоб терпеть,
Чтоб сквозь стоны шептать: «Продержись».
Как я мог уцелеть и успеть
Дать потомкам достойную жизнь?
Всё загадочно там, вечно пьяный туман
Перекрыл мне земные пути.
Иль раб – господин, иль надсмотрщик пьян,
Но спокойно сегодня в степи...

АНТОН ШУМИЛИН

БАШ НА БАШ

Когда стущённые миазмы базара, точно рыбы, ржали
И волки бегали за мясом, прикрывшись кожей волхвов,
Мы жилы света размозжали о запылённые скрижали
Забытых всеми понемногу

исконных смыслов вещей слов...

А из чернеющих былинок, насевших на ледовый панцирь
Долины русского раздолья и завершённых распродаж,
Сорокоградусные песни, зубодробительные танцы
Тянулись в их пещерный Хаос, непринуждённо...

Баш на баш...

ЕЛЕНА ЧЕБАЛИНА

* * *

Морщинами на лица городов
Ложатся переулки и проспекты.
В развалинах сменившихся основ
Таятся позабытые сюжеты.

Всё
 время расставляет по местам –
Для новых истин найдены приюты,
В молитвах новоявленным богам
Склоняются «святые» поминутно.

Но вечности нетронутая статья
Сковала мир дыханием бессмертья,
И, заново рождаясь, умирать.
Столетия, столетия, столетья...

СЕРГЕЙ ЖИДКОВ

* * *

Вновь перевёрнута страница дня –
Невосполнимое, утраченное читиво.
Фрагменты снов ещё трепещутся учтиво,
Но бытия недвижима броня.

Кромсает громом поезд фонари.
Недостижений пафосная карта
Упрямо пухнет в духоте плацкарта,
И тонет взгляд в семантике зари.

Лес простирает елей рукава,
Врезаясь в мыслей непролазную окружность –
Куда бежать, где доживать ненужность,
Когда осталась позади Москва?

ЕЛЕНА БАРИНОВА

* * *

Ну что, браток, рванём с тобой в столицу?
Там, говорят, живётся веселей.
Зачем нам видеть пасмурные лица
травую зарастающих полей
и чёрные кресты в седом бурьяне,
к которым больше некому прийти?
Рванём, браток, глаза избушке-няне
гвоздями ржавыми заколотив!
Пусть не увидит с беспризорных вишен
текущий в пыль кроваво-красный сок
и пса, который всё скулит и лижет
дорогу со следами наших ног.

ЛИДИЯ ТЕРЁХИНА

* * *

Вас рассеяли, россияне.
Вы в чужих краях просияли,
но, покинув отчие нивы,
до сих пор не поймёте, чьи вы.

Там, на шумных стритах и прадо,
вам болеть о Руси не надо.
Сытно вам, есть жильё, «капуста»,
лишь в душе почему-то пусто.

Вас разносит по белу свету,
как охапку опавших листьев.
На чужбине – нет горше истин –
никому до вас дела нету.

А в какой-нибудь тихой Пензе
иль в медвежьем углу на Каме
всё поют ваши прежние песни,
всё считают вас земляками.

ЕВГЕН ВРАЗУМИХИН

ДЕРЕВНЯ

Всё рушится в зловещем «впереди»...
Природу уж давно в асфальт вкатали,
И я один, лохматый, посреди –
Стою в тоске средь варварских развалин.

Горит деревня в розовом дыму,
Вокруг стволы и пни – лесная каша.
Зачем же, как болезный, не пойму,
Я черпаком взрыхляю высь и квашу.

А небо ль мне колодезь дорогой?!
Прости, Иисус, нечаянно я, сдуру –
Не смел я утоляться той водой,
Когда случалось жарить политиру.

Я прохожу у сбитого крыльца
Давным-давно скосившейся сторожи.
В окне хочу увидеть свет лица,
А не черты обросшей чьей-то рожи.

Вдали видна нехоженная доля,
На ней, как будто наваждение взгляду,
Овечка – человеческая боль,
А с нею вместе Бог ступает рядом...

Горит деревня в розовом дыму,
Вокруг вповал стволы – лесная каша.
Зачем же, как болезный, не пойму
Я черпаком взрыхляю синь и квашу...



ЛИДИЯ ТЕРЁХИНА

НА РОДИНЕ

Вольный ветер! То сбоку, то сзади
налетит, то в лицо, хохоча,
бросит горсть ледяных виноградин,
их стряхнув у берёзки с плеча.

Он чудит, и на сердце отрадно
от его молодой колготы.
И небес пестрядинное рядно
вдоль дороги пятнает кусты.

Пусто в поле. Безлюдна дорога.
Хочешь – молча иди, хочешь – пой.
Мне до дома осталось немного.
Много лет я стремилась домой.

Не прошло ль здесь какое-то лихо?
У оврага приткнувшись, седа,
спит деревня так глухо и тихо,
как при мне не спала никогда.

По пригорку в древесную кущу
в домовине уносят кого?
Ой, тоска, не крути мою душу!
Даже дома здесь нет моего.

ВАЛЕРИЙ ТОКАРЕВ

ПРОЩАНИЕ С ОБЩИНОЙ

Как положено селянину,
Я под низким рос потолком,
И понятия крестьянской общины
С материнским впитал молоком.

Там – без спроса, без страха, без веры
Инстинктивно рожали ребят.
Там, в полях, словно половцы, ветры
По ночам и сегодня свистят.

Там витает лишь воздух общины,
От неё не найти и следов:
Разве – в горечи русской рябины
Да клочках одичавших садов.

Ты, община, почти что былина.
Потому, как ни странно, люблю
Злую помесь колхоза с общиной –
Ту, где личность стремилась к нулю.

Укрощался избыточный норов,
Был горазд деревенский уклад
Поставлять для тревожных просторов
Идеальных, по сути, солдат.

Жалко, правда, что портились песни
Мундштуками железной узды...
А до Пачелмы там – как до Пензы,
А до Пензы там – как до звезды.

Палестины мои, Палестины...
Как, Емелюшка, ни мели,
Но устои крестьянской общины
Мне по-своему помогли.

Жалкий лепет терпела бумага
И куда-то всё Муза вела,
И душа под забором Дублага
Очень даже по-русски спала.

ВАЛЕРИАН АЛЕКСАНДРОВ

ВЕСЕННЕЕ

Тает снег по всей стране, по дворам, валежникам.
Прорастают кое-где «русские подснежники».
Их находят по весне – без вести пропавшие,
В пьянь замёрзшие во сне да по пьяни павшие
От крутого кулака, от ножа, от биты,
Не опознаны пока, но уже убиты.
Павшие не по вине и повинно павшие,
По снегам в шальной стране имя потерявшие,
Отрубившие концы дикого веселья;
Авангардные бойцы русского похмелья
По своей, чужой вине, во дворах, валежниках
«Прорастают» по весне и русские «подснежники»...

МАРИНА ГЕРАСИМОВА

КОЛОКОЛЬЧИКИ

*Что ж теперь ходим круг да около
На своём поле, как подпольщики?
Если нам не отлили колокол,
Значит, здесь время колокольчиков.
А. Башилачѐв*

По земле крестами да звёздами по-небу
Колокольчики все наши порассыпались.
Время тонет в тишине, как в проруби,
Отмеряясь не то всплесками, не то всхлипами.

Разбредились мы вольными баранами –
Нет над нами знамени диктатора.
Тешимся всегласности обманами,
Дёргаясь под звуки синтезатора.

Так наивны, точно дети малые,
К телику прильнувши, обожрались мы
Сексами, смертями, сериалами...
Что же для души теперь осталось?

Глотку рвут матёрые шарманщики,
Славят жизнь и сердцем, и аккордами,
Но в чести лишь пошлые обманщики...
Где же все вы, верные да гордые?

Из груди бы на пол душу – вдребезги –
И молчок...так холодно и больно мне.
Впереди лишь вьюга, не видать ни зги...
Слушай! Чу! – звоны колокольные!

Встанем мы с песней да молитвами –
Хоть Иван дурак, да дело ведает!
Русский дух ядами не вытравить –
Нашей кровью враг не пообедает!

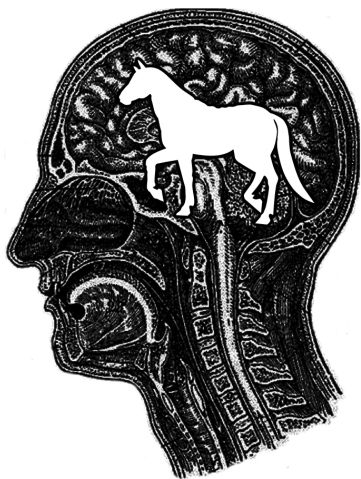
Черпаем всё слёзы полторашками,
Хоть твердим, мол, промотались в клочья мы,
По земле, по матушке – мурашками
Грозный смех русских колокольчиков.

ВЛАДИМИР ЧЕРНЫШЕВ

* * *

Распахнуты снежные дали,
И хмурятся брови лесов.
Над Русью опять зарыдали
Напевы лихих бубенцов.
Крылатая русская тройка,
Лети над полями, лети!
Пусть мрачные шепчут пророки:
Что ты, мол, давно не в чести,
Что канула сила бывшая
Твоих среброкрылых коней,
Что слава ушла удаляя
Забытых историей дней,
Что ныне машины стальные
Тебя оттеснили с пути,
Что скорости ныне иные...
Лети, моя тройка, лети!
Разлейся малиновым звоном,
О славе былой не скорбя,
И в атомный век, электронный,
Ничто не заменит тебя,
Ни бег, обгоняющий звуки,
Ни разум мудрейших машин.
И все порожденья науки,
Лишённые жара души.

Лети через горы и доли.
И в беге грядущих веков
Да будет тебе ореолом
Сияние русских снегов!



СОФЬЯ КОНИЩЕВА

НА ВОЛЮ!

На волю, на волю, на волю,
Пустите на волю меня!
По русскому чистому полю
Пущу вороного коня.

Умчусь в бесконечные дали,
Паду на лучистую рожь.
Зачем мне чины и медали?
Богатство и слава – всё ложь.

Меня охраняют метели,
Меня берегут небеса.
Мне тайные звуки пропели
В пурпурной тиши голоса.

На волю, где солнце в зените,
Пустите скакать за мечтой.
За жгучую страсть не корите,
Мой дом будет вечно со мной.

АНТОН ШУМИЛИН

УТРО И ПАШНЯ

Утро и пашня, спасительно-ласков мир,
Земля под ногами нежна и упруга,
И лето беспечно играет красками,
Весёлой палитрой дикого луга.
И тянутся с неба прозрачные руки Ра,
Выжимая запах из хлеба и пота...

И ползают тени по стенам бункера,
Шприц гамма-глобулина принёс кто-то...
Жаль, что не спирт в изголовье ставите –
Беспробудность сегодня намного полезнее.
Цветные сны надёжно лишают памяти
Запретным плодом лучевой болезни...

ЕВГЕНИЯ СТАРКОВА

* * *

Я – инородное тело
В этой толпе оголтелой.
Не за, не против, а только вне –
Тошно сегодня быть трезвой мне.
Кепку пониже надвинув,
Видеть себя в витринах
Этих продажных улиц,
Тех, что кольцом сомкнулись
За хрупким внутренним миром.
Вытерт, потрепан, застиран
Ситец серого облака.
Какой-то всеобщий обморок
Людского потока. Душно мне
С этими равнодушными,
С глухонемыми, незрячими.
Иду до ларька табачного.
Мира изнанка колкая
Невзрачная, кособокая
Видна. Никуда не деться –
Ребенок лишенный детства –
Точкой живой на асфальте
Страшное слово – «подайте»
Перед собой держит.
Он – городской стержень.

Он – городская правда,
Он – наше с вами завтра!
Рекламным щитом подсвечен.
Не докричаться, легче
Дружить со своими бесами...
А есть оно царство небесное
Где за горой Соколовой?
Где, но ни звука, ни слова
На склоне её бежевом
Света полоска тусклая –
Берёзка – бедная беженка
Хрупкая, белая, Русская.

СЕРГЕЙ ЖИДКОВ

СТАРУХА

Толпа ль у перехода или глухо,
В июльскую жару и в гололёд
Какая-то никчёмная старуха
О Ленине газеты продаёт.

Ей выкрикнет подвыпивший прохожий,
На лестнице присевши, у перил:
«Забыла, как богатое Поволжье
Твой вождь когда-то голодом морил?»

Стара уже носиться, как в угаре.
Пора на пенсионную кровать.
Не легче ль на Гусиловском базаре
По осени картошку продавать?»

Старуха не ответит. Лишь согнётся
С газетою в морщинистой руке.
«Купите! Коммунизм ещё вернётся.
Здесь больше, чем в кино о Колчаке».

Подросток пробормочет недовольно:
«О ком она? Такой ещё живёт?
А, Ленин! Это нынче не прикольно.
Вот пиво с сигаретою – улёт».

И каждому как будто не по вкусу
Всё то, что было с нами на веку.
Служили мы Советскому Союзу,
А нынче служим только кошельку.

Не станет той старухи и в помине,
Зовущей нас неведомо куда,
Чтоб мы свою историю ценили
И впредь не повторили никогда.

ЕЛЕНА БАРИНОВА

* * *

Сколько калек на Руси!
Боже! и дети... и дети!
Остановись и спроси:
– Где же вас так? – и ответят:
– Разве же нашим панам
сладить с несущейся тройкой?
Это по нам, по нам
колёсами перестройки.

АЛЕКСАНДР ЧЕРНЮК

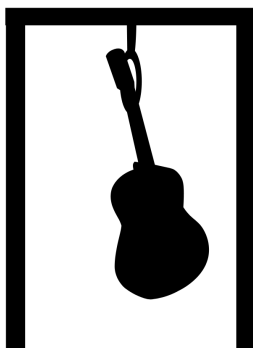
ПРОЩАЛЬНОЕ ТАНГО

Стоит пожилой музыкант в переходе,
костлявые пальцы ласкает струной.
Закрыты глаза. Он в далёком походе,
где сросся
 с гитарой
 любимой,
 родной.

И плачет гитара в трепещущем вальсе,
сверкает слеза на щеке старика,
совсем не такой он тоске предавался,
пока
 не пришла
 перестройки
 река.

Мечты разбивая, смывая надежды,
в другую страну перенёс нас поток,
где мысли другие, другие одежды,
где людям
 не нужен
 искусства
 знаток.

Смущённо играл музыкант в переходе
прощальное танго с печальной судьбой.
Закрыты глаза. Его жизнь на исходе...
Друг верный,
 гитара,
 омыта
 слезой...



АНТОН ШУМИЛИН

ПГВ – 1

Бомж впитался в потёртый свитер,
Будто он – говорящая рыба

Золотым ртом в сеть.

Небеса захмелели, либо
Ими кто-то ботинки вытер,

Чтобы завтра висеть

На столбе водянистой ватой,
На руке воспалённым шрамом,

На рассвете – и в морг:

Распухая зелёным шаром,
Изымать из души распятой

Бело-мёртвый восторг.



РУССКИЕ СКАЗКИ

ЛИДИЯ ТЕРЁХИНА.

* * *

Ну, куда ты, Запад напыщенный?
Ты куда, вертлявый Восток?
Здесь ведь буйные ветры рыщут,
вольной вольницы дом и исток.

Сколько раз со своими порядками
гостевать к нам спешили тьмы.
Но с чужой, пусть и крепкой, хваткою
не поднять перемётной сумы.

От земной надорвался тяготы,
тщась с ней справиться, Святогор,
а Микула, затеяв пахоту,
ходит с сошкою до сих пор.

Бороздами вздымает ровными
кровью сдобренный пласт земли.
Здесь прошли чужеземные воинства
да на этих полях полегли.

Головами к Востоку и Западу,
как снопы золотые – внахлёст.
Наши ветры привычно оплакали
их под мёртвым мерцанием звёзд.

АЛЕКСАНДР МЕЛЕДИН

СТАРЫЙ РЫЦАРЬ

Эти вещие звёзды сияют другим,
Мне остался лишь дым предрассветных часов,
Камни, книжная пыль – этот вечности грим
И мерцанье ночных голосов.
Всё. Мой мир уже пал и полынью обвит,
Что на сердце хранить, что от бури беречь?
На земле у меня – ни богатств, ни любви,
Только древняя правда – и меч.

АННА МАРТЫШИНА

ВО МНЕ ПРОРАСТАЕТ ТЯЖЁЛАЯ ПРАВДА

Во мне прорастает тяжёлая правда,
Ломая хребты омертвевших иллюзий
Надеждой на страшное, светлое «завтра»
И сны без трагических послевкусий.
Надеждой на эту, глухую, немую,
На жизнь без настойчивых проблесков смерти.

Прозрачные иглы земных поцелуев
По венам рунической нежностью чертят
Пути наступлений на древнюю память
Звонящим, настойчивым роем желаний,
Туда, где навеки придется оставить
Плоды похороненных в Нави сознаний,
Восстать отрешённой под грохот симфоний
Вселенской тоски, абсолютного страха,
И видеть, как мир создается из праха
В борьбе ураганов с туманом гармоний.

МИХАИЛ САРАСКИН

П-РОЗА ПРОЗЫ

Тень – п-роза.
Совершенство – роза.
Я – чувство
И сексуальное желание,
Как птица,
Правда, без крыла...
Но вот причина:
Со мной флиртует
Женщина
С ужасным именем
«Война».
Кидаю ей букет
завядших роз
К ногам
Её кровавой п-розы.
И вот для всех
На фото
Я – преступник,
Объявлен властью слуг
За свой проступок
В самый срочный,
но беспричинный
по мотиву розыск.
Сам для себя герой –

с потерей смысла
в поэтичных снах,
наказан выстрелом за это –
Почти
за просто так.

День новый.
Пасмурный.
Красавца на фото
Перечеркнула лента.
И вот парит
Моя свободная,
Но одинокая душа.
СМЕРТЬ. Льются слёзы.
К моей могиле
Приносят
Красные и чёрные цветы,
И все они
С одним названием –
Роза.
Смотрю на них
С небес,
Мне не мешают
Даже грозы,
А в жизни
Всё так далеко
от совершенства роз,
Как проза п-розы.

ЕЛЕНА ЧЕБАЛИНА

СМЕРТЬ СОЛДАТА

Скованы
Руки холодом.
Сорваны
Листья. И мысли
Ворохом.
Порохом
Дико запахло...
Вечность
Стреляла в сердце.
Может
Осечка?
Не верится.
Поздно.
Кровью пропитан воздух.
Звёзды,
Луна сквозь слёзы.
Поезд.
Душа в ладонях
Воет
От боли.
В горле
Обида комом.
Дома
Письмо, погоны

Громом.
Снится
В полях зарница...
Забыться.
Жаль, не успел проститься.
Ветка.
Дрожит синица.
Смерти боится.
Ветер...
И жизнь в конверте
Детям...

ВЛАДИМИР АНТИПОВ

ОТВЕТ ВНУКУ

Чулан хранил и пыль времён,
И вещи, нужные отчасти.
Шинель висела скромно в нём
И с нею моль невзрачной масти...

- Ответь мне, деда, почему
Не выбросил её на свалку?
- Мы с ней огорили войну.
Друзей терять безумно жалко.

Сукно, пропахшее махрой,
Рукав дырявый в пятнах рыжих.
Хоть груб и неказист покрой, –
В одежке этой юность вижу.

Когда железные ветра
Несли несметные утраты,
И разрывали до нутра
Судьбу страны, шинель солдата

Спасала землю и сады,
Укрыв от жгучего мороза,
Чтоб не плелись твои мечты
В хвосте немецкого обоза.

Нас с нею ранило не раз
Навылет болью и тоскою.
Мы принимали пули в фас,
А взгляды Родины – спиною.

Прошли мы годы, города,
Меняя раны на медали.
Вдвоём нам горе не беда.
Вот только старше вдвое стали...

ДАНА ЛОБУЗНАЯ

ГРУСТЬ ЮБИЛЕЯ

Победный Юбилей – предвидимый парад,
В салютном небе вызвездится дата.
Помпезный Кремль и Александров сад
С могилой Неизвестного Солдата.

А в топах и лесах родной страны
За ту Победу скорбная расплата:
Забыт солдатский прах – апофеоз войны,
Могила неизвестного солдата.

ВЛАДИМИР ЛЕЗИН

ПАМЯТЬ

Напиться колодцем вчерашней любви,
К истокам спуститься,
Купале молиться
Поклоном цветам.
И птицей бескрылой лететь на авось.
Память постыло
Над братской могилой
Бросить к венкам,
Вспомнить забытое имя твоё,
Память на части
Порвать,
На счастье
Швырнуть в вороньё,
Но память ночами скребется когтями
И гложет, и гложет
Моё существо.
Пирует слезами,
И смерть под глазами
Всё чаще рисует своё торжество.

АННА МАРТЫШИНА

СОЛДАТЫ

Роскошной гладью подслеповатый
Святой художник рубцует раны.
А в тишине всё молчат солдаты,
Ушедшие в глубину тумана.

Ушедшие в седину разлуки,
Туда, где гибнут сердца гневные,
И тянут, тянут родные руки
Из снов их вечности огневые.

Роняет мглу первозданный вечер,
В сухую хмарь одноногих страхов.
А мы скрываем в себе предтечу
Гортанных нот неземного Баха...

ВИКТОР СОЛДАТОВ

* * *

Время сыплет с ладони в ладонь песок.
Слышу шелест ночи, или свечи,
Или след по снегу бегущих строк,
Что одеты ныне в луны лучи?

Отраженье света – её судьба,
А моя, смеясь, в этот поздний час
В переплёте судеб нашла себя,
Да не затворилась, не задалась.

Покатилась памятью по путям –
На былом метельное помело
Забелило вехи его, хотя
Что не завершилось – не замело.

Неизбежны в сердце людском рубцы,
И берут аорту, и жнут серпом,
И несут снопы под венец Отцы...
Это было, есть и грядёт потом,

Но сейчас – не то и неровен час,
Когда всюду сети и ком в груди,
И ни чей, лишь мой, только мой приказ
Ждут и видят то, что не обойти.

Да и я смотрю, а всё так же слеп.
Ох уж эта чернильная мне душа!
Хоть с луной на «ты» – в этом толку нет,
Коли фронт не сдвинулся ни на шаг!

От нездешних мест хоронит река,
И мешает наледь своих же строк.
Есть резон истоки искать, пока
Время сыплет с ладони в ладонь песок.

НИНА ШЕМЕНКОВА

БЕГ ВРЕМЁН

Летопись, пропитанная кровью,
И угарным газом – горький воздух.
Так пронизывают острой болью,
Словно спину – жалящие розги.

Бег времён – в страданиях и муках –
Каждой клеткой нервной ощущаю,
Но страницы дней своих листаю,
Глядя вдаль – там будущее внука...

ВАЛЕРИЙ ТОКАРЕВ

РУССКИЕ СКАЗКИ

Конечно, весьма тяжела государева служба,
Особо, когда начинаешь
с народом своим воевать.
Оружие – нужно, харчи, амуницию – нужно,
К тому ж, государь
должен русские сказки читать.

В них мудрость воронья живёт
И былинная слава,
Бессмертье народа в них
И богатырская статья.
Они древнее, они помудрее устава,
Поэтому как государь может их не читать?

Читай, государь,
не сочти этот труд за обузу.
Подумай, где воинство делает мирный привал.
О прочем пусть думает, скажем,
начальник обоза,
Но крепко ему прикажи, чтобы не воровал.

Глядишь, отдохнут, поедят, поменяют подковы,
И снова начнёт богатырская удаля бродить,
А ты, государь, придержи безрассудное слово,
Поскольку нездешнюю силу нельзя победить.

ЛИДИЯ ТЕРЁХИНА

СЕЛЬСКИЕ БУДНИ

1

В уплату накопившихся долгов
(Кто занимал? И на какие цели?)
вчера совхозных вывезли коров,
оставили коровник – настезь двери.

Потом делили вику по дворам –
остатки прошлогоднего омёта.
Двум кашляющим старым тракторам
на целый день хватило здесь работы.

– Шустрее поворачивайся, Русь! –
шумел приезжий тракторист на бабок,
и лихо бултыхался «Беларусь»
в просёлочных сугробах и ухабах.

Сухой клочок до боли сжав в горсти,
недавняя ударница-доярка
вдохнула тяжело: «Господи, прости,
как сладко пахнут сено и солярка!»

2

Зимуют здесь теперь одни старухи.
И даже тропки снегом замело.
Такой не знало отроду порухи
добротное старинное село.

Не пахано, не сеяно годами, –
как сам Мамай прошёл среди страны.
Однако же пока не голодают:
картошка есть, целы и чугуны.

Козе травы натеребят беремья,
потом натопят снеговой воды,
и, глядь, уже на вечер клонит время...
А лишь до первой доскрипят звезды –

сойдутся к бабке Вере «для совета» –
бесхитростной беседы вьётся нить:
хотя бы как-нибудь дожить до лета,
чтобы сподручней было хоронить.

МИХАИЛ САРАСКИН

МОГИЛЬНЫЙ КРЕСТ

Могильный крест.
Вокруг ни жизни, ни тепла...
Я от него иду
В пространстве появившейся картины.
То чёрные, то жёлтые цвета
Как чувство одиночества
Питают страха силы.
Закончится ли боли путь?
Длину своих сомнений
Мерю каждым шагом.
Закрыть глаза,
В своём же сне уснуть
И обрести покой,
Чтоб сердцу легче стало.

.....

Загадкой веет иллюзорный мир,
В нём столько сходства с настоящим, –
В квадратной комнате
Лежу один
Без веры в собственное счастье.

АНТОН ШУМИЛИН

СИНЯКИ ПОД ГЛАЗАМИ БЕРЁЗ

Синяки под глазами берёз
Распивают портвейн.
Дождь, белея, себя перерос
И заснежился в Рейн.

Искры будущих искренних вер
Не заметил никто...
Как нелепо ушла ГДР,
Так пришла ВТО.

От Победы остались рубцы
И ненужный вопрос:
За кого умирают отцы
Под глазами берёз?

АННА КОРЖАВИНА

9 МАЯ 2006 ГОДА

Ходит гордость под руку с печалью,
Неделимы победа и смерть!..
Мы за родину не воевали,
Всё, что можем, – салюты смотреть,

Заглушая призывы оркестра
Равнодушным шуршаньем фольги...
Если спросят – отвечу честно:
Победили бы нас враги.

ВИТАЛИЙ ФАТЕЕВ

ГЕРМАНИЯ

О, Германия!

В моих воспоминаниях не погас твой огонёк:

Зигфрид, скачущий в Валгаллу,

Бах, телеграфирующий куполу неба,

Дядя Адольф с тётей Евой,

Уткнувшиеся холодными носами в Конец Истории...

Я – «осколок блицкрига»,

оставшийся в сорок четвёртом под Питером.

Блондинистого задиру остудил горячий снег.

Из нагрудного кармана достаю губную гармошку –

Справляю поминки...

О, Германия!

Девятого мая срываюсь на дачу,

Копать могилки под картошку.

Шмайсера нет, но лямка режет моё плечо.

Я возненавидел твой язык

За одно меткое слово: «Фоер!»

Но ты не убита...

О, Германия!

Я вижу тебя белокурой девчушкой,

Бегущей навстречу Солнцу,

С голубеньким шариком на ниточке-былинке,

Чьи бока окрыляет слово по-русски: «Мир».



ТРОМБ РАСКАЯНЬЯ



МАРИНА ГЕРАСИМОВА

НОСТАЛЬГИЯ

Ночь, распахни свои грязные крылья
И позови под простреленный полог.
Сны отдают молоком и ванилью;
Падают хлопья китайского шёлка,

Следом скользят непутёвые звёзды,
Ты весь горишь их космической пылью.
Кружево веток врывается в воздух,
В тело густого чернильного штиля.

Пой, вспоминай раскалённую юность –
Кровоточащие звёзды залили –
Как намечалось, и чем обернулось –
В подпол забились и гнёзда не свили!

Призраки рая на стенах сарая,
А за стеной – суета и насилье!
Вера ушла, не родилась другая...
Плод ностальгии с привкусом гнили...

АНТОН ШУМИЛИН

ЖАЖДА

На пыльные камешки высохших, рухнувших башен
Ветер наносит трупные пятна.
Жребий брошен, смутьян повешен, мир перекрашен
Из жёлтого в розовый и обратно.

Духовная пища «нового» мира – экскременты поп-корна,
Стабильность праха и порно-розга.
В наивном стаде, под нож идущем покорно,
Свирепствует засуха мозга.

В поисках влаги по тропам волчьим и ртам проплешин
Дел больше чем слов, но
Жребий брошен, мир перекрашен, смутьян повешен –
Жажда наказуема поголовно.

Спасаясь от «духовной пищи», зашиваем себя в пакеты,
Засыпанные в душных штреках.
А для уродов во время чумы расцветают пиры-банкеты.
Осушая мечты о молочных реках...

ЕЛЕНА БАРИНОВА

* * *

Заорать и проснуться в Советском Союзе!
Где ещё «Повелителя мух» не читали,
и ещё не смотрели «Детей Кукурузы».
Где старик в телевизоре звоном медалей
развлекает страну – умирающий клоун...
Где сплошной оптимизм и восторги оваций,
где и водка, и чай с колбасой по талонам,
где нам рано ещё вымирать и спиваться,
где страна, не жалея о загнанной тройке,
громоздится на лайнер
и где пристегнуться,
приготовившись к мёртвой петле перестройки,
кто-то просит.
И вновь заорать и проснуться!

СЕРГЕЙ ЖИДКОВ

* * *

Мир переломлен на осколки –
Осколком проще заколоть.
Грызутся бешеные волки,
Кусая собственную плоть.

Рисуя кровью запятую,
Мы пахнем завтрашним гнильём,
Но птицу счастья золотую
Вот-вот поймает и сгрызёт.

В убогой смене поколений –
Преемственность слащавых фраз.
И кроткий дух повиновенья
Незримо воцарился в нас.

АННА КОРЖАВИНА

* * *

А нам остаётся ветер.
Теперь зови – не зови
Закатная роза не светит
Такой же закатной любви.

Всегда на дороге лужа.
И сладкий запах гнилья.
Кто времени этому нужен?
Не ты. Не он. И не я.

АННА МАРТЫШИНА

ДЕКАДАНС

декаданс.

я стараюсь не верить в дрожащее «мы подождём».
распадается небо на тёплые капельки мрака.
тонко воет внутри изглодавшая сердце собака.
ей печально и сыро под мелким, кипящим дождём.

пережёванный транс.

голубые узлы горизонтов крошатся на тени,
переливчатый холод вскрывает нетленную суть.
и сгорают в кислотном дожде огоньки преступлений,
засыпая глотающим пеплом исхоженный путь.

сколько душ позади.

и ничто не восстанет из вязкого мрака
перепачканных памятью сирых, прилизанных лет.
подыхает внутри нелюбимая, злая собака,
тщетно силясь унять бессознательно-ноющий бред.

никуда не ходи.

оставайся в краснеющем, тёплом тумане.
ничего не понять. ни о чём никогда не узнать.
я могу только долго, бездушно и жадно терять,
копошась в нарывающей, липкой прижизненной ране.

ЕВГЕН ВРАЗУМИХИН

КОЛЛАПС

Я предстал перед тобой, в чём был:
В туберкулезном ожерелье на груди,
В словах, накрученных на бигуди,
Иного нет – я ничего не скрыл.

Осень сшила мне кафтан турецкий,
На нём – украшенный богато пеплом ворот.
Я щеголял в нём, радуясь по-детски,
Тому, что мир мой был по шву распорот;

Зимний перебор гитарных струн
Сливался с дымом, кашлем, смехом, плеском вин.
В чаду веселья я был не один:
Христос плясал с Аидом, пел Перун.

Пояс затянув весной потуже,
Приняв на грудь бойцовский дух, восторг и солод,
Я сыпался ко всем, кому был нужен –
Чтоб разделить любовь, тоску и голод.

Лето не написано – и я
Застыл во времени, прижав к груди
Слова, навитые на бигуди
И бусы Коха.

СОФЬЯ КОНИЩЕВА

МУХИ

Мир чудовищен, и лжи
море в нём.
Я не верю никому абсолютно.
Мы хотим свободно жить,
Но мы врём,
Врём так искренне, так смело, преступно!
Сплетены уже давно сети зла,
И себя переплести – не получится.
Вот ещё одна без крыльев поползла...
Вот ещё одной придётся долго мучиться!

Я не верю ни проходим, ни себе.
Мои сети – это щит от проказы,
От чудовищ, что жужжат в голове,
От невинных, виноватых –
всех сразу!
От любви, что мимолётно мила...
Это самое коварное оружие!
Затащили вы меня в сети зла,
Щели правды всё тусклее, всё уже.

Гаснем в липкой паутине-чехарде,
Стал обман таким родным и знакомым,
Что просвета не увидеть нигде.
Сети крепкие, и мы невесомы.
И в крыле ещё болтается спесь,
Но другое – пополам разломлено.
Мы живём, и мы по-прежнему Здесь –
Мухи, наглухо в обмане замурованные.

АНТОН ШУМИЛИН

БЫТЬ ПРОЩЕ

Задорно проходит неделя – жизнь вся
Под микроскопическим объективом:
Токсоплазмы кишат и делятся
Своим паразитическим позитивом.

Ходить по смыслам благих эмблем,
Читая Ницше в кленовой роще –
Зачем? «Нет головы – нет проблем».
Конечно же, лучше быть проще...

МАРИНА ГЕРАСИМОВА

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ЗАКАТЕ

Марево мая. Закат с сигаретами.
Призрачный город – рая окраина.
В облаке – образы ветхозаветные.
Бог с этой Евою! Бог с этим Каином!

Следом за ними – толпа порицателей:
Мол, они грешные, мол, они низкие...
Надо ж героев иметь отрицательных!
Их прегрешенья – и ныне нам близкие.

Змеи уморены, яблоки сгрызены
Новыми Евами в джинсах и топиках.
Каины смотрят на нас с телевизоров,
Могут они нарядиться и в попики,

Чтобы овец совратить убедительней...
Это их тактика. С ними не спорю я.
Кстати, стемнело. Ночь изумительна! –
Так изумительна наша история!

Эй, православные! Выйти из сумрака!
Серые лица в экраны попрятали?
Слышишь, народ? А ведь были мы мудрыми,
Наша мораль не рябила заплатами!

ЛИДИЯ ТЕРЁХИНА

BAM

Разъединили нас не времена.
На радость лицемерным скорохватам
зазорно стало постоять за брата.
Почётно, за чужие стремена
держась,
бежать оруженосцем «друга»,
подхватывая крошки пирога.

О, как всё обращается по кругу!
Во все века – бега,
бега,
бега...

А лопнет у хозяина подпруга
иль он доест отхваченный пирог –
тогда бежать обратно со всех ног,
припомнить о пробоидах и Боге,
ребячьих играх и заботах многих,
просить приюта под родимым кровом –
враз в памяти воскресшим русским словом.

ВАЛЕРИАН АЛЕКСАНДРОВ

УХОДЯЩИЕ

Вот шагает моё поколение:
 двое лысых, один седой.
Современная жизнь до фени им,
 каждый в прошлом всей головой.
Вот шагает моё поколение –
 не уколоты, под шафе.
В этот вечер одно решение –
 вспомнить юность в старом кафе.
Здесь теперь уже внучки-девочки
 разливают с улыбкой «левак»,
И другие вдоль стен скамеечки,
 ну а в целом, такой же бардак.
И его не прикроешь сайдингом,
 как не вытравишь горечь в душе
– Вам ещё по сто граммов, дяденьки?
 – Нет, красивая, хватит уже.

Мы поближе теперь к реальности
 и своё уж давно «отлакали».
Пусть юнцы поиграют в банальности,
Покуражатся в пьяной батальности.
 Мы же меру по жизни знали...
С ней и прожили всё, что выпало,
 потому ещё в теле и в деле.

Ну а те, кому «сверху сыпалось»,
отдыхают в другом пределе.
Пусть нам часто бывало туго
в той стране, где «дрова ломали»,
Но тянули мы как-то друг друга,
не бросали, не предавали.
Мы не знали понятий «кидалы»,
наркоманы и «голубые».
Иногда попадались «шакалы»,
да клыки оказались гнилые...
Вот уходит моё поколение – и друзья, и давно не враги.
По колено им новые веянья, как болотные сапоги.
Вот уходит моё поколение, затихают во тьме шаги,
Как грядущего злое знамение... Береги их, Господь, береги...

МАРИНА ГЕРАСИМОВА

БАГРЯНОЕ ВРЕМЯ

Багряное время в плакатах и звёздах,
Когда осуждали за приступ зевоты.
Блаженные верили лозунгам роста,
А кто мыслил здраво – был враг для народа.

Змеёй подкольной – под камень лежащий,
Спалённые крылья и зубы – на полку!
На связи глухой, за штурвалом – незрячий.
Культура запряталась в сено иголкой.

Хвалёные вёсла не сохли, а гнили,
Умы признавались по склеенным ластам.
А вечно живые под метрами пыли
Христа на кресте почитали гимнастом.

Всё прошлое мазали красным да чёрным...
Чего ни терпела Россия-матрёшка?!
Живём вот по принципу: «Где моя ложка?»
А где наша слава? А где наши корни?

ВЛАДИМИР АНТИПОВ

БОЛЬ МОЯ – СТРАНА МОЯ

Не внемля опыту отцов,
Ты чахнешь в пору полноправья,
Страна живучего бесправья,
Юдоль безверья и слепцов.

Ведомая спиной вперёд
Поводырём с клюкой и в шорах,
Теряешь капитал о оффшорах
И винном мареве народ.

Разрушив, снова строишь храм,
Посмертно чувствуя достойных.
Твоих детей съедают войны,
И растлевают внуков хам.

Не слыша собственных волхвов,
И бедность не сочтя пороком,
Ты награждаешь труд оброком
И властью алчущих воров...

...Но среди грязи и пыли
Своими родниками славна,
Как будто слёзы Ярославны
Текут из матушки-земли.

МАРИНА ГЕРАСИМОВА

МОЛЕНЬЕ

Ни света белого, ни моря Чёрного,
Ни плана левого, ни слова правого.
Прости мя, Господи, непокорного,
Спаси мя, Господи, от лукавого!

Ни поля чистого, ни духа русского,
Во рту-то не было росинки маковой...
Устало рыскаю вратами узкими,
На солнце светится ботинок лаковый.

На цепь железную сменяй коронушку,
На слёзы горькие – берданку пьяную...
Избави, Господи, мою сторонуюшку
От змия огненна да окаянного!

Ни звонка рублика, ни бакса зелена –
О светлом будущем и думать боязно!
Давай придумаем второго Ленина,
А будет гадиной – на рельсы поезда...

НИНА ШЕМЕНКОВА

ДУША РОССИИ

Душа России –
 колокольно-звонная!
Глаза её скорбящие – иконные:
И в праздники, и в будни –
 чуть печальные, –
В них боль утрат и горечь –
 изначальные.

И сколько б враг на Русь
 ни ополчался,
Меня то названья, то обличья, –
Свет лучезарно-тёплый источался,
Храня земли моей величье!..

И хоть глаза скорбящие – иконные,
Хоронится в них грусть безмерная,
Но всё ж надежда в ней
 «на завтра» – верная, –
Душа России – колокольно-звонная!

ЕЛЕНА БАРИНОВА

* * *

Это сколько же нужно грешить,
чтобы столько настроить церквей?
Я-то, глупый, надеялся жить
среди безгрешных лесов и полей.
Но вокруг купола и кресты,
но вокруг – благовест и трезвон,
как одно затяжное «прости»
у залитых слезами икон.
Это сколько же нужно церквей,
чтобы совесть отмыть дочиста?
Как портреты вчерашних вождей,
здесь слюнявят сегодня Христа.
И, пьянея от собственной лжи,
засыпают в вагонах метро.
Объясни им, Иуда, как жить,
если в сердце раскаянья тромб?

ВЛАДИМИР ЛЕЗИН

ТАК ПОВЕЛОСЬ НА РУСИ...

Рисуют слёзы на иконах
Монахи,
Чтоб сытней спалось.
Читают проповедь с амвона,
И как с крещения повелось,
Навзрыд молясь,
Мы верим в бога,
Да бог Руси – сплошной авось.

Мы режем судьбы, не измерив,
И пьём часами,
Словно звери,
Не от бессилья, от безделья,
Но на Руси так повелось.
Как и душевное смирение,
Поверив в призрачный авось,
Мы пьём веками от безделья.
Но на Руси так повелось.

СЕРГЕЙ ЖИДКОВ

ЗА!

Я пью прокисшее вино –
За фрак, идущий президенту!
За тьму, жующую окно!
За солнце, сданное в аренду!

За Вас! За толщею дверей,
Кующих грозные указы!
За возвращение царей!
За рябчиков и ананасы!

За Ваш покой и тишину
Разъединённого протеста!
За нерасцветшую страну,
В которой мне так мало места!

За Вас, мой враг! За фрак, за флаг!
За пепел правящего древа!
За вырастающий кулак
Из недр божественного гнева!

ЕВГЕН ВРАЗУМИХИН

Я ПЬЮ ОТРАВУ

Я пью отраву.
Я стоял на краю,
Допивая отраву свою
За братьев и за сестру.

Что мне дым от обид,
Если в каждом из них не горит
Тот огонь, что так нужен костру.

Я отдам все сучки,
Зажигалку, бумагу, кремь,
Чтоб пламя рождало dance!

Пусть мы все – дураки,
Что встречают хандру и мигрень
Как единственно нужный баланс.

В винегрете систем:
Для чего все мы здесь и зачем? –
Пусты Вселенной холсты.

Ты глядишь в зеркала:
В них угли и седая зола,
Вокруг же тебя – цветы.

Где же импульс, мой друг?
Где величье весомых заслуг,
Забытых самим собой?

Так проснись же с утра,
И пойми, наконец, что пора
Отраву допить, и – в бой!

Мир вокруг – только тлен;
Преходящая вечность гангрены
На теле, что правит пир.

Но души красота
В состоянии рождать неспроста
Другой совершенно мир.

Я стоял на краю,
Допивая отраву свою
За братьев и за сестру.

И над пропастью той,
Что прикидывалась – пустотой,
Я встретил в бреду зарю...

МИХАИЛ САРАСКИН

* * *

Я ощущал в себе
Отцовское начало.
В уверенной походке,
В его рубашке,
сделанной ещё в СССР,
В штанах,
Зауженных к ступням,
В машине,
Которая блестела
На зависть
Каждому и всем.
Я нёс его и свою веру
В создание и сохранение семьи,
Я раздолбил
Гранит науки,
НО был по-прежнему
В его тени –
В домашних тапочках,
В кровати,
В жажде денег близорукой,
Когда я,
Как и он,
Сходил от бедности с ума,
Когда я жал

Своим знакомым руку,
Когда предательство
неверных баб
Я испытал сполна,
Когда я бредил
Розовой мечтою,
Что мир, в котором мы живём
Зависит только лишь
От нашей воли
И нет на свете
Кровью
Разукрашенных имён.

Я ощущал в себе
Отцовское начало,
НО всё промчалось,
Словно миг,
Когда мой памятник
Нерукотворный
С утра пред
Зеркалом,
Такой же гордый,
Как и он,
Возник.

СОФЬЯ КОНИЩЕВА

ШИЗОФРЕНИК

Я в этом городе
Гонимый зверь.
Кругом колючки,
Люди, злые лица.

Куда ни попросись –
Закрыта дверь.
Все знают –
Я теперь самоубийца.

Я – пессимист без веры,
Без мечты.
Я – шизофреник
С манией величья.

Я – чёрный лист,
Я пачкаю листы,
Переступая нормы
И приличья

Таких как вы,
Смотрящих мне во след,
Пытаясь отыскать
Хоть долю смысла.

Но если веры нет,
То жизни нет.
Есть только сон
И числа, числа,
Числа.



ЛИДИЯ ТЕРЁХИНА

КОНЕЦ ВЕКА

1

Россия в угаре:
стоим на базаре.
Врачи, музыканты...
рвачи, дилетанты.
Торгуем заморским тряпьем
и собою,
отцовской Звездой
и огромной страной.

2

Позабыли, что ходим под Богом, –
вышло наше неведение боком:
возроптали и справа и слева,
кто-то пробует вырулить вспять...
О горбушке насущного хлеба
научились молиться опять.

3

Окрест тревожно озираюсь я:
за жёлтой, жёсткой щёткой жнивья
последствием монгольского набега
чернеют позаброшено, убого
останки деревенского жилья.
Туда бурьяном заросла дорога.
Там отчий край и родина моя.

4

Картина умирающей Руси:
пылит дорога пылью золотою,
хотя не гонят стадо с водопоя.
И только звонкий столбик мошкары,
колеблясь над моею головою,
извечный танец чертит в небеси...

ДМИТРИЙ ВОЛОДИН

* * *

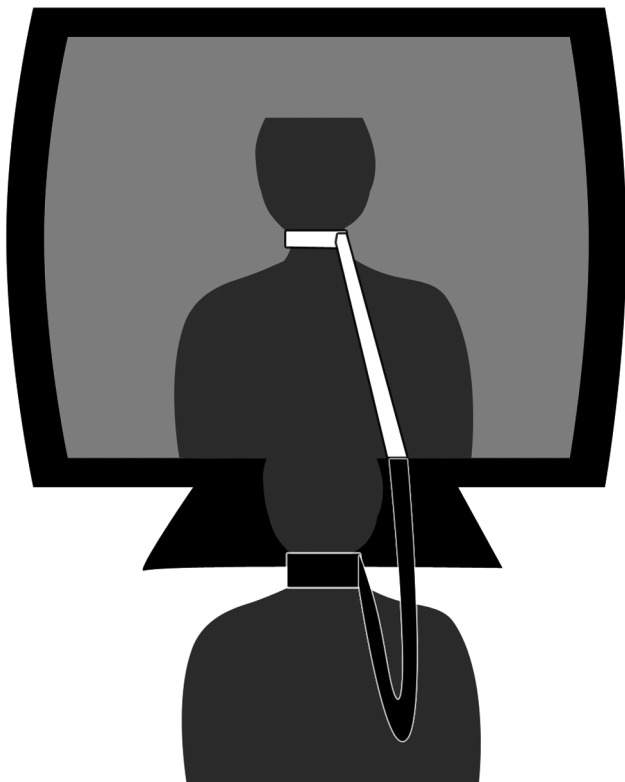
На колёсах или шагом
По просёлочной дороге.
Вороны, как вежи, на обочине.
Деревенька-бедолага:
Не живут в избушках многих,
Те избушки постарели, скособочены.
Вот такая вот Россия, негламурная,
А что раньше было силой,
Ныне – в урну мы....
Лишь берёзки здесь да ёлки, как и прежде.
Да и легче, и светлее жить в надежде.

ЕЛЕНА БАРИНОВА

* * *

На 302-ой два плацкартных до Пензы! –
и с разноязыкой толпою к вагону!
Колёса стучат и горячие рельсы
на солнце горят и натружено стонут.
Как плачет ребёнок! Рабочие в свару
играют, лениво бранясь друг на друга,
и на полустанках и станциях старых
выходят развеять вагонную скуку.
Там ветхий старик их окликнет в надежде:
«Антоновки в этом году народилось
как в осень, когда ещё батюшка Брежнев...
Ведёрко – полтинник. Возьмите на милость!
Ну с богом!» – трясущейся тёмной рукою
поможет антоновку ссыпать в пакеты,
и ветер, внезапно озлившись, провозит:
Всё в жизни меняется – только не это!
А дед поплетётся в нелепых галошах
по грязи осенней к своей развалюхе.
И будет другой полустанок, но то же
прошамкают жалко чужие старухи.
И что-то заносит под левую грудь
от этой равнины бескрайне-унылой,
где страшно не то, что тебя здесь не будет,
а то, что здесь будет всё то же, что было!

В ЭТОМ



ЗЛОМ ТЕЛЕВИЗОРЕ

ЕВГЕН ВРАЗУМИХИН

TV SHIT...

Эй, телевизор, плесни в меня грязь!
Я хочу быть как ты – бездушным,
Чтобы мне человечья бездумная мразь
Отдалась и была послушна.

Эра моя, как обшарпанный хлам,
Отойдёт во времён глубины,
И лишь ты, монитор, Водолея сынам
Щекотать будешь рабыи спины.

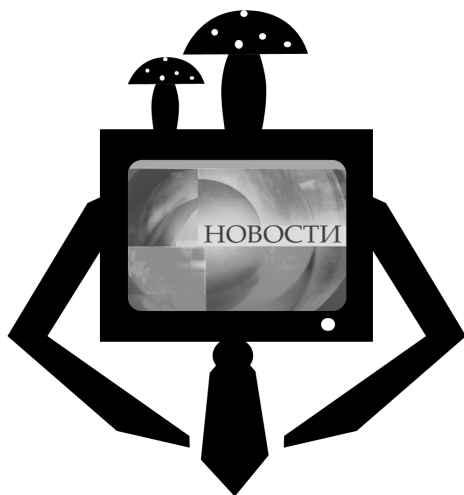
Ящик Пандоры проплачен и вскрыт:
Все хлебнут цифрового яда.
Ты теперь интерес, развлечение и быт
Для голодного злого стада.

К чёрту искусство – утробная блажь!
Больше лозунгов, брани, срама.
Как мечты воплотить проведет инструктаж
Под фанфары и гул реклама.

Жизнь не похожа на телеэфир
Сколько б рупор его не славил.

Настоящий – изрядно потрепанный – мир
Вне форматов, клише и правил.

Слушай же, я оглашу приговор
Пусть антенные внемлют уши:
Ты – отпетый мошенник, обманщик и вор,
Обчищающий наши души!



АНТОН ШУМИЛИН

РОЖДЕНИЕ ИСТИНЫ

Веселье и смех разрастаются Талией.
В этой тупой программе
Есть две кнопки – «Выход» и «Далее».
Пока слепые рыдали,
Сидя в навозной яме,
Их продали и получили медали.

Для поддержания репутации
Растут на русских просторах
Безупречные в эксплуатации
Плантации свежих рабов.

Истина рождается в спорах
Галлюциногенных грибов.

МИХАИЛ САРАСКИН

ЭФЕМЕРНЫЙ РАЙ РЕКЛАМЫ

Пёстрая картинка на экране
Пробуждает эндорфины.
Опьянённый этой сладкой мечтой
Он так и не смог проснуться.
Эфемерный рай рекламы
Через плакаты, журналы,
телеканалы
Стал
Для кого-то желаньем,
Для кого-то обманом.

АНТОН ШУМИЛИН

РЕКЛАМА

Реклама жизни – гештальт нуля, глаза
Червоточащего мёртвого плода.
Порядок из этого хаоса –
Рыхлая карточная колода.

Мир пожирают личинки слоганов.
Скидка, пряник, кредит, пах, кнут...
Ингредиентов много, но
Мусорные баки одинаково пахнут.

Неуклюжая симуляция разнообразия
Сияет обёрткой шаткой и валкой.
Наверное, в этот раз и я
Выжгу себе глаза зажигалкой.

МИХАИЛ САРАСКИН

ПОП-ДРЕЛЬ

Как сделать Что-то
из Ничего?
Что поэтичного в дрели?
Огни мегаполиса
светят в окно –
Что поэтичного в дрели?
Я убил
Свою маму,
Оставив дома
Одну.
Что поэтичного в дрели?
В продажной любви
не везёт
никому –
Что поэтичного в дрели?
В колыбели мечты
я бредил:
– Буду писать!
Что поэтичного в дрели?
Люди, как ад,
им нельзя
доверять –
Что поэтичного в дрели?
Промелькну

в титрах фильма
погасшей звездой –
Что поэтичного в дрели?
Музы танцуют
с кем-то, но
не со мной –
Что поэтичного в дрели?
Распускаюсь
в стихах
железным цветком.
Что поэтичного в дрели?
Апплодисменты
собираю
совком.
Что поэтичного в дрели?
Падает дрель,
Моё тело за ней,
Штепсель
разрывает розетку.
Я с моей дрелью
также раним,
Как крик человека
«Что мы творим?»,
Выбившего
изо всех сил
из-под моих ног
табуретку.

ЕВГЕНИЯ СТАРКОВА

УЛИЦА УГЛОВ

Живу на улице Углов –
Шпана дворовая, скамейки,
Трамваи – красные калекИ
И стая псов, бездомных псов.
Ноябрь дымом затянул.
В подъезде человек исчез,
Он ищет продавца чудес –
Купить билетик на луну.
Зависимости на краю,
И каждый здесь в своём припадке,
Она положит на лопатки,
Ты только выбери свою.
Предупреждает год от года
Со стен обшарпанных домов
Табличка «Улица Углов»,
Как красный свет для пешехода.
Забором редким обнесён
Убогий силуэт барака.
Спасибо, облака, за благо –
Ложится снег на это всё.

АННА КОРЖАВИНА

* * *

Перед городом я каменею
И теряю свои слова.
Вот опять по той же аллее...
И прошита насквозь голова
Голосами трамвайных рельсов –
Может, утро, а, может, нет?
И куда от времени деться?
Остаёмся в его контексте,
Не оставив при жизни след.

Чтобы крикнуть: «Ещё поживём!»,
Не расслышав свой собственный голос,
Заскочить в торопливый автобус,
Незаметно состарившись в нём.



ЕЛЕНА ЧЕБАЛИНА

* * *

Ночной вокзал, пустой перрон,
Давно забытый странный сон,
Холодный свет, слепая тьма,
И крик мечты – сойти с ума!
Протяжный вой чужих ветров,
Закрыты двери на засов,
Немая бездна – тишина
И бесконечная война.
Война миров, война людей,
Война рассветов и ночей,
Война светил, война планет,
Война галактик, звёзд, комет.
Безумный всплеск, любовь, тоска,
И время – дуло у виска,
Крутой обрыв, опять подъём,
И вновь вопрос – зачем живём?
Ночной звонок и вечный спор
О том, что скрыто до сих пор,
Разумный вывод – лжи дыра, –
Вселенной дерзкая игра.
Пустая память, долгий бег,
Духовный взлёт, жестокий век,
Чужой закон, чужая кровь,
Надежда, вера и любовь.

Ночной вокзал, пустой перрон,
Опять приснился странный сон,
Холодный свет, слепая тьма...
Как трудно не сойти с ума!

Babylon

Βαβυλών

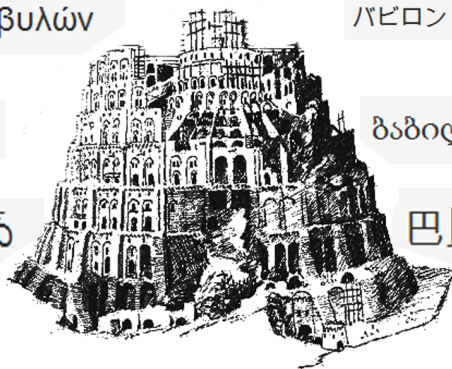
バビロン

بابل

ბაბილონის

बाबिलोन

巴比倫



ВЛАДИМИР ЛЕЗИН

* * *

Напыщен, зол,
Угрюм.
Сегодня
Дышу
Я гарью переулков.
С зарёй –
Туникою господней,
Укрою
Мир
Похабно жуткий.
Железо слов
Стелю
Проходим,
И затхлым
Лицам подворотен
Пою
Псалмы,
Как перекошен
Наш разум
В
Ветхом переплёте
Крамольных книг,
Мятежных,
Серых.

Лениво
Тень скривила
В луже
Мои
Обшарпанные нервы...
Поэт
Без слова – безоружен!

АННА КОРЖАВИНА

* * *

Мы уши ногами закроем,
Мы все их строчки забудем,
И нам не нужны герои,
Мечтатели среди буден!
Как рыбы на сковородке...
Сложить бы их всех на блюдо,
Запить бы грошовой водкой,
Пусть не кричат про Чудо,
Глаза не мозолят светом!..
Любить их?.. Они не люди.
Они всего лишь поэты.

ВИКТОР ХАБИБУЛИН

ЧЁРНЫЙ СТИХ

Казематы отчего дома,
Друг остался один – алкоголь.
Голова моя рюмкой ведома,
И в кармане валяется ноль.

На полу разбросал я тетради,
Словно белый прошел листопад.
«Ах, оставьте меня Бога ради», –
Я скажу сквозь проклятья и мат.

Одиночеством жажду укрыться,
С головою укутаться в плед...
А за дверью счастье таится,
Но открыть ему сил больше нет...

ЮРИЙ СЕРЕБРЯНИК

* * *

Я не охотился за смертью —
Зачем, к чему?
Она сама пришла — поверьте
Мне одному.
Мой приговор давно подписан
В суде небес.
Зачем искал я в жизни смысл,
Куда-то лез?
Чего искал — не доискался.
Да ну меня!
Другие здесь найдут начало
Другого дня.
А я — общажным коридором
Уйду туда,
Где время засыпает сором
Свои стада.

АНТОН ШУМИЛИН

НЕПОНЯТНО

За углом на деревьях бутылки
И пакетики чая.
В гаражах кровоточат затылки
На асфальт не сучая.
С куртки ветра сырые порывы
Отрывают заплаты.
Два кармана – пустые нарывы:
Далеко до зарплаты.
В этом злом телевизоре мы же –
Лишь нестойкие пятна
С постоянным желанием выжить,
А зачем... Непонятно.

ВИКТОР ХАБИБУЛИН

ПЕРМСКОЙ ТРАГЕДИИ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Танец, пламя, слёзы,
СМИ трубят бедой.
И над Пермью грозы –
Материнский вой.

Дым, неон с басами
Разбудили смерть.
Здесь пришла с друзьями
Молодость сгореть.

На танцполе вдоволь
Погулял огонь.
Плачут дети, вдовы
В мокрую ладонь.

С бала все – под плиты,
Под могильный крест.
Ритмы на молитвы
Поменял окрест.

Красной ночью в клубе
Танец запылал.
И в бетонном кубе
Реквием сыграл

Музыкант безумный,
И порвал струну...
Стон пятиминутный
Разбудил страну.



ЛИДИЯ ТЕРЁХИНА

ВАМ II

Вновь ТВ наполнилось слезами,
скорбными речами и свечами.
Чёрный ангел реет за плечами –
может, завтра очередь за нами...

Он-то нас никак не различает.
Что ему границы и заборы
в мире, где за кровь не отвечают
сеятели смуты и раздора.

Создают теории и веры
лицемерно-подлые в основе,
чтоб стравить, как две собачьи своры,
тех, кто прав, и тех, кто невиновен.

ЕЛЕНА ЧЕБАЛИНА

ГОРОД

*За последние несколько лет
огромное количество взрывов
прогремело на территории нашей
страны. Сотни людей погибли...*

Костлявые мосты
Обрушились на камни,
Взметнулся в небо дым
Известием фатальным.
Всё было как во сне –
Ужасно и нелепо.
С проклятием войне
Подняли взоры в небо.
И город вдруг застыл.
И, стоя на дороге
Без жизни и без сил,
Мы вспомнили о Боге.

ВЕРА ДОРОШИНА

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ

Ночь накануне, перед Рождеством,
расцвечена причудливым неонem.
С телеэкранов нечисть лезет в дом
с уверенностью: зритель благосклонен.
Разряженным властителям умов
не занимать бесстыдства и юродства...
Я телевизор выбросил в окно.
И ощутил вселенское сиротство.
Стоял, смотрел на небо и курил,
сутулясь на заснеженном балконе.
И Бог смотрел глазами светил,
задумчиво печален и спокоен.
Мир замер на пороге Рождества
немой неповоротливой громадой.
И чуда ждёт. И теплятся слова,
что вспыхнут, разгорятся... и осядут
золой и пеплом в суетных сердцах
жующего, резвящегося стада.
Визитками небесного отца
мелькнут во тьме кресты, огонь, лампы.
Бурлеск обрядов призрачной канвой
вплетается в грязнейшие из танцев –
специфика эпохи профанаций,
в которую нам жить дано с тобой.

ЛИДИЯ ТЕРЁХИНА

* * *

Вожди плетут красивые слова
и примеряют к нашим головам
венцы терновые
 или венки из трав –
полыни, череды, чертополоха...
Такая вот досталась нам эпоха.
Исчерпано доверие к словам.
Не верят ни себе, ни небесам,
ни храмам рухнувшим,
ни голым деревьям
ни пастырь,
 ни последний выпивоха –
вдруг полыхнут
 грядущею весной
не зеленью, а знаменем Аллаха.

Стерпели всё, что стало со страной,
с тобой, со мной...
 Уже не имем страха.
Ведь ни петля, ни пуля и ни плаха
не губят нас,
 а пустословья гон –
со всех сторон.
 А вслед – народный стон –

под колокольный звон.

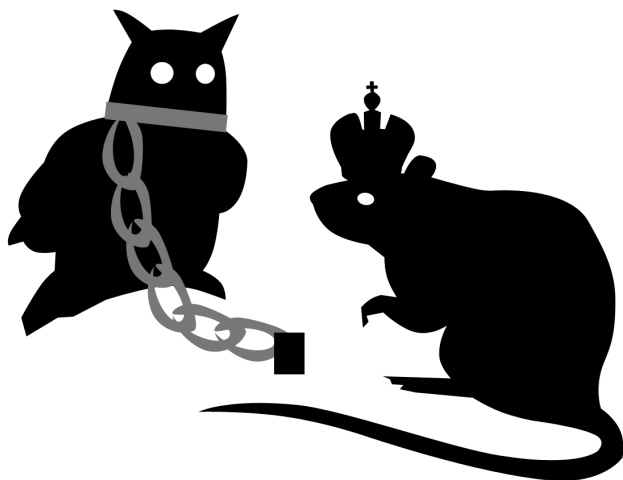
Под сладкий власти сон.

Но светел ликом скорбный Иисус:
всё стерпит рус –

и глад, и мор, и трус –
на каждый день

ему б лишь хлеба кус.

А в час последний – чистая рубаха.



АЛЕКСАНДР МЕЛЕДИН

* * *

Так вышло – мы жили – и, может быть, жили неплохо,
Но чем ты прикроешь души беспросветную голь?
И можно ворчать: мол, такая досталась эпоха,
Но нам никогда не дадут ни глоточка другой!

И что-то на свете сложилось, но воздух истрачен,
В бездонную осень бездомней глядят образа –
Быть может, не поздно – попробуем – встанем, поплачем –
Пока ещё что-то такое сверкает в глазах.

И может быть, что-то разложит поношенный разум
По полочкам смыслов, но сердце-то чует – всё зря!
И что нам осталось? От веры – красивые фразы,
От родины – ветер, и пыльный портрет – от Царя...

СЕРГЕЙ ЖИДКОВ

* * *

И когда полетят короны...
...И когда полетят короны,
А следом – державшие их головы,
Будет скорбить виолончель
И грузно, и грустно.
Но только виолончель...

Всё растащили, как вороны.
Всё разделили непоровну.
Некому бить поклоны.
Жизнь – не игра, – карусель.

Там, где горели люстры,
Сегодня пылает ненависть.
Там, где кушали устриц,
Сегодня едят людей
С большим аппетитом. Не давятся.
Вот и рубцы обесцветились
Кровавого бутерброда.

История ржёт, – повторяется.
Уже уносят кого-то
В лёд, – пригодится завтра.

Спасение есть – не правда, –
Очередная партия
Чёрно-буро-зелёно-красных.
Успей сказать «Да», преломиться
Сквозь истину новых призм.
Было же столько разных,
Как же смогли все слиться?
Нелепость, – игра в демократию
Опять породила фашизм.

Что будет с теми, кто болен
И по-прежнему делит солнце
В мире – слепом шалаше?
Не важно.

Мне страшно за тех, кто спокоен,
Не ждёт, не гнетёт и не гнётся,
И жить не боится уже.

АННА КОРЖАВИНА

* * *

Время падает как топор.
Время рубит. Не станешь целым.
Сложит яблоки в вечный узор.
Обвенчает гнилое со спелым.

И когда осень кончит гореть,
И погаснет над садом солнце,
То, что выше, чем жизнь и смерть
В зимнем воздухе отзовётся.

АННА МАРТЫШИНА

КОСМОС БОЛИТ В ГЛАЗАХ

Космос течёт в груди,
Космос болит в глазах...
Вечное впереди –
Нужно распять страх.

Тихая ночь грядёт...
Слушай, молчи, жди.
В сердце гниёт лед,
Нежно кипят дожди.

Капает внутрь сон,
Ласково жжёт дно.
Сонное – в унисон –
Тянет из вен вино.

Вянет заря глаз,
Сохнет во рту прах.
Тихий грядёт час,
Чтобы распять страх.

СЕРГЕЙ ЖИДКОВ

ФОСФОРНЫЕ БЛОХИ

В ночном кружении комет
Сверкают фосфорные блохи,
И мы летим на мёртвый свет.
Нам нечего сказать эпохе.

За мотыльками тусклых глаз
Твердеет воздух оловянный.
Всё сказано ещё до нас
Ромеем, греком, обезьяной.

Всё сказано ещё до нас...
Дыханья пульс едва заметен.
Дымит космическая грязь,
Зрачок луны постыло бледен.
В себя вкрутившись самого,
Он сам себе неинтересен,
И воспалённый взгляд его
Темнее похоронных песен.

В бреду тумана и судьбы
Нам светит счастье однобоко,
И наши прежние гробы,
И в ад прохладная дорога,
И ангел, плачущий внутри,
Терзавший правдой наши вздохи.
Ты никому не говори,
Что мы – лишь фосфорные блохи.

ЕЛЕНА БАРИНОВА

*Аптека, улица, фонарь.
А. Блок*

* * *

Октябрь. Туман. В тумане фонари,
площадка детская, соседняя общага.
Всё сказано ещё до нас. Мы повторим
бессмысленную жизнь без Родины и флага.
Храня на память об СССР
коллекцию монет и школьных идеалов,
в конце концов вчерашний пионер
их сдаст в ломбард и всё начнёт с начала.
И будет, тыча пальчиком в букварь,
не видя букв, до самого восхода
бубнить: аптека, улица, фонарь...
Всё сказано до нас. И нет исхода.

CKRPO

АННА КОРЖАВИНА

* * *

Век пятнадцатый. Гром в ушах.
От сражений оглохло небо.
Каждый хочет судьбу прижать,
От того и судьба нелепа.

В королевских покоях – тишь,
Но незыблемы только звёзды.
Кто-то молится, ты – молчишь,
Потому что молится поздно.

АННА МАРТЫШИНА

* * *

Молчишь и думаешь... О чём ты думаешь?
О солнце, рухнувшем за смертный край?
О в пыль разрушенных, о передушенных,
О передавленных в борьбе за рай?

О чём ты думаешь, тоской разбуженный,
За счастье – проклятый, в несчастье – злой?
На флейте старенькой, чуть-чуть простуженной
Звеневший весело за упокой?

По-человечески, по незабытому,
Взгляни, не царствуя, не хороня.
Стерпи – унылую! Прости – убитую!
Спаси – застывшую – глотком огня!

О чём ты думаешь? Молчишь, неискренний,
Уходишь, прожитый, вчерашним днем.
Глаза тяжёлые с сырыми искрами
Блестят бессмысленно чужим огнём.

Миры погибшие туманом мертвенным
Встают над омутом земной души.
Для них становимся немými жертвами,
И жизнь кончается уже. Спеши!

ЮРИЙ СЕРЕБРЯНИК

* * *

Срок вышел. Приговор подписан.
Да здравствует небесный суд —
Полу-народный, полу-высший,
Почти бессильный — даже тут.
Почти бессильный — это точно:
Ни пули-дуры, ни штыка,
Лишь непонятные отсрочки...
Но после — кара на века.
Бессмысленные коридоры.
Бессмысленные города.
Текущая всегда под гору
Судьбы пропитая вода.
Несостоявшиеся жёны.
Друзья, ушедшие в петлю.
Зола станиц, давно сожжённых.
Руины Спаса-на-Хмелю.

ЕЛЕНА БАРИНОВА

* * *

Здесь всюду нищие, куда ни посмотри.
Ведь сколько им не дай – всё мало, мало!
Всё высосут из них огни витрин
и бледно-мёртвый свет торговых залов.
В лохмотьях суеты поверх плащей
летят навстречу смерти в лимузинах,
не зная, что так нужных им вещей
нельзя купить в роскошных магазинах.
Хоть душу заложил свою, хоть честь –
язв нищеты не скрыть в рубашке тонкой.
Мой бедный Крез! Не продаются здесь
ни искренность друзей,
ни смех ребёнка!

МАРИНА ГЕРАСИМОВА

МОЯ СТРАНА

Моя страна загажена, заплёвана,
Забывла своё имя и рождение,
Продажную рекламой размалёвана,
Хмельна от злой тоски и унижения.

Моя страна – отпущенная узница
По рельсам с незакрученными гайками...
Запугана заморскими нагайками...
Моя страна – заброшенная кузница.

Моя страна – молчанье монастырское,
Живущее от стога и до праздника...
Ты вспомни свою силу богатырскую,
Моя страна, ты – воин, воин-праведник.

Россия, ты душа моя и матушка,
Ты вера и надежда на спасение.
С молитвою и песней залихватскою
Отпраздновать твоё бы вознесение.

ЛИДИЯ ТЕРЁХИНА

* * *

Наши души берутся измором.
В жеребьячем восторге газет
наши горечи кажутся вздором –
там, где Бога и совести нет.

Наши мысли пасут за забором,
непокорных стреляя влёт.
А в луга выпускают – которым
всё равно. Иль – кому повезёт.

У дверей ожидают поборы.
Разговоры и мусор – в избе.
Стало с совестью можно поспорить,
ибо совесть – сама по себе.

То как чёрная кошка кружится
по ночам на пустой мостовой,
то как ангел, как белая птица,
над смятенной парит головой,

над страной многословных и лживых
деклараций, проектов и снов, –
где беснуется идол наживы
и царит произвол подлецов.

МАРИНА ГЕРСИМОВА

О БОГАТЕЯХ

Нанизали звёзды на нитки,
Заточили солнце в камине
И сидят, считают убытки,
А убытки – легки на помине.

Раскатали небо под ноги
И воткнули радугу в вазу –
Денег – тьма, а нравы убоги!
Скопидомство – оно заразно!

Млечный путь разлили по кружкам,
В рамку ангела – на булавке...
Не пойду я на их пирушку,
Отлежусь у себя в канавке...

АНТОН ШУМИЛИН

СКОРО

Вы надменно сжимаете губы,
Мы закованы в потные робы.
Скоро семечко будет дубом.
Скоро семечко будет гробом.

Мы работаем в проданном поле,
Вы копаетесь в рыночном пуле.
Скоро ненависть будет волей.
Скоро ненависть будет пулей.

Вы пришли торговать друг другом,
Мы – ночами мечтать о многом.
Скоро творчество будет плугом.
Скоро творчество будет богом...

ЕВГЕН ВРАЗУМИХИН

ЛАБИРИНТ

Вокруг зеркала. Я среди отражений
своих? Или я – отражение
мира в квадрате стекла?
И на смерти меня Бог не женит,
и жизнь приняла положение
комнат в четыре угла.

Со всеми тащить мне с базарного торго
домой равнодушие дьявола,
сердца холодный металл...
А когда-то и я от восторга,
читая «Собаке Качалова»,
слёзные сопли жевал.

В мечтах и желаньях ничем я не связан,
судьба моим маршем не правила
в ритме текущего дня.
Но я будто кому-то обязан –
сплошные законы и правила
пестуют с детства меня.

Система не знает имён и фамилий;
мы в ней заблудились без компаса,
ходим тропами калек,
а японских волков истребили,
чтоб перед крушением космоса
в рай не попал человек.

Свободу свою измеряю я в литрах,
мне время – стальная конструкция,
руки – сплетение вен...
Надоело бродить в лабиринтах –
мне срочно нужна революция
перегородок и стен.

АНТОН ШУМИЛИН

РЫБИЙ ПОЧЕРК ВАРЁНОГО ГЛАЗА ЛУНЫ

Рыбий почерк варёного глаза Луны
Заставляет дрожать,
Роковую педаль солнценосной войны
Нам осталось нажать.

Выхлопные концепты бетонной трубы
Погружаются в транс,
Невозможный побег из стеклянной судьбы –
Наш единственный шанс.

Только звёздные блики на наших щеках
Как связующий мост:
Где рождение – смерть, где пророчество – страх,
Где падение – рост.

Рыбий почерк Луны, очертания спин,
Нездоровые сны...
Нам осталось приблизить багровый рубин
Солнценосной весны.

СОФЬЯ КОНИЩЕВА

КОЛЕСО

Верти колесо – разрешаю!
Позволено всё. В пути
Глашатель я – воскрешаю,
Уснувших, таких же, как ты.
Оно успокоится ночью,
А пока колесо моё мчит
Со всей одуревшею мощью,
Почти не касаясь земли –
Мой щит!

СЕРГЕЙ ЖИДКОВ

С НОВЫМ ГОДОМ!

Верную выберу нынче мишень я,
Кортеж дураков полетит под откос.
Мы ёлкам прикажем сверкать под Крещенья
Гирляндами самых отчаянных слёз –

Твоих и моих, но навряд ли заплачем.
Пилюлю эпохи сполна проглотив,
Мы купим судьбу, но потребуем сдачи
За наш неслышанный временем миф.

Взбираясь по лестнице выше и выше,
Отыщем впотьмах судьбоносный чердак.
Ты чистишь винтовку на солнечной крыше,
И будет повержен улыбчивый враг.

Одна теперь цель – ослепительный нолик
В глазу дурака, что ведёт нас в «Эдем».
Я знаю, – однажды осудит историк
Наш век, не судимый сегодня никем.

Ведь вождь-самодур беззащитен и в стае.
Играя с народом, он всё ещё цел.

Но лысиной липкой изящно блистая,
Едва ль ослепит мой упрямый прицел.

Вот выстрел... И криком случайной свободы
Вещают вороны, – зла порвана нить.
Мой друг, С Новым Годом тебя, с Новым Годом!!!
Пора улыбнуться и прочь уходить...



АНТОН ШУМИЛИН

ВЕЧЕР ЛЕДЯНОЙ И ПОЗДНИЙ

Вечер ледяной
и поздний,
Радио вещает
басни...

Гроздя социальной
розни
Спеют накануне
казни,

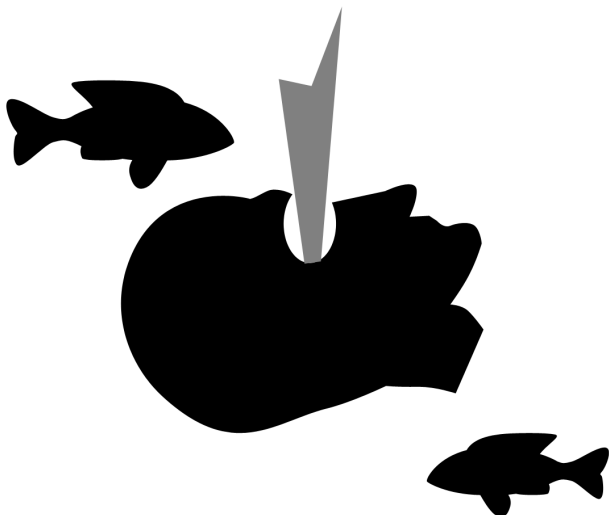
Спеют накануне
пира
Бешеных свинцовых
градин...

Басни радио-эфира
Вышиты моралью
гадин.

Первые колонны
танков
Приближают грохот
грозный -

Это спеют в сердце
Данко
Гроздя социальной
розни.

Кто умрёт – уже
 не важно,
Грохот танков душу
 дразнит,
В камере темно
 и влажно
Накануне нашей
 казни...



АННА МАРТЫШИНА

ПОСТАПОКАЛИПТИЧЕСКАЯ СКАЗКА О ВРЕДЕ БЕЗДЕЙСТВИЯ

В молочные реки ползёт мутноватая сырость
Из нежно коптящих и мягко гниющих небес.
Замёрзшее солнце в горячую землю зарылось,
И кто-то молчавший устал, задрожал и воскрес.

Куда мы пришли? Эту жизнь затянуло болото,
И дикие люди давно разошлись на дрова,
Голодный создатель блуждает больным идиотом,
А рядом ползёт неживая его голова.

Мы очень устали в мечтах о потерянном рае,
И бросили жить в ожидании жизни иной.
Но сказка сгнила. Из неё вырастает другая,
И в ней – неизвестный сюжет, непонятный герой.

А белые волны уже отдают простоквашей,
Безглазые рыбы ползут на закисший песок
И тщетно пытаются возвращать колышки ног,
И дышат, и травятся мутной заоблачной кашей.

ЛИДИЯ ТЕРЁХИНА

* * *

Мы меняли перо на лопату,
а лопату опять на перо.
Пред тобою мы все виноваты,
Русь, одетая в платье Пьеро,
чья беда – дураки и дороги.
Весь свой век ходим мы в дураках:
вот до крови разбитые ноги,
волдыри на корявых руках.

Что напрасные слёзы роняешь –
воровата, боса и пьяна?..
Кто дороги твои залатает,
золотая моя сторона?

Кто на камне горячем напишет,
что сулит твоим странникам рок?
Кто прочтёт?

Кто поймёт?

Кто услышит
на пустынных скрещеньях дорог?..

АЛЕКСАНДР МЕЛЕДИН

* * *

*Мы разучились нищим подавать,
Дышать над морем высотой солёной,
Встречать зарю и в лавках покупать
За медный мусор – золото лимонов.*

Н. Тихонов

Зато мы научились забывать,
Бродить по свету в сумерках смолёных,
Шептать обрывки Данта – и срывать
Замёрзшие цветы с чужих балконов,

Мы научились холодно дышать,
Писать стихи, шершавые, как сучья,
Любить сурово, тускло, не спеша,
Не движа звёзды, никого не муча,

Мы научились доживать вдвоём
Отмеренное нам нещедрой мерой,
Молчать навзрыд – и думать о своём
Над пепелищем родины и веры...

ЕЛЕНА ЧЕБАЛИНА

* * *

Кричать, молчать? Остановиться,
Невольно заглушая крик.
Такси скользит петлёй по спицам
Ночных дорог – беспечный миг.
Беспечный век, играя в Бога,
Нам вяжет жизнь из пряжи дней.
Столбы – хранители дороги –
Угрюмо высятся над ней.
Безумный город делит ужин
В неистребимой спешке жить.
Колёса слизывают лужи
В надежде что-то отхватить.
Исподтишка кусает ветер
Сквозь приоткрытое окно...
Застряли вновь на перёкрестье
Дорог, судеб... да, всё одно.
Увязли в прожитом болоте...
Нелепый миг... нелепый век...
Всегда в заботе и в почёте –
Кому ты нужен, человек?

ОГЛАВЛЕНИЕ

БАШ НА БАШ

<i>Анна Мартышина</i> ГРОМ	6
<i>Александр Меледин</i> «Пусть Парка оборвёт пустого сердца пыл...»	7
<i>Лидия Терёхина</i> Русский народ	8
<i>Кирилл Ледаев</i> «Я в былое взглянул, чтоб себя рассмотреть...»	9
<i>Антон Шумилин</i> Баш на баш	10
<i>Елена Чебакина</i> «Морщинами на лица городов...»	11
<i>Сергей Жидков</i> «Вновь перевёрнута страница дня...»	12
<i>Елена Бафинова</i> «Ну что, браток, рванём с тобой в столицу?...»	13
<i>Лидия Терёхина</i> «Вас рассеяли, россияне...»	14
<i>Евген Вразумихин</i> Деревня	15
<i>Лидия Терёхина</i> На Родине	17
<i>Валерий Токарев</i> Прощание с общиной	18

<i>Валериан Александров</i>	
Весеннее	20
<i>Марина Герасимова</i>	
Колокольчики	21
<i>Владимир Чернышев</i>	
Распахнуты снежные дали...»	23
<i>Софья Конищева</i>	
На волю!	25
<i>Антон Шумилин</i>	
Утро и пашня	26
<i>Евгения Старкова</i>	
Я – инородное тело...»	27
<i>Сергей Жидков</i>	
Старуха	29
<i>Елена Баринова</i>	
Сколько калек на Руси...»	31
<i>Александр Чернюк</i>	
Прощальное танго	32
<i>Антон Шумилин</i>	
ПГВ – 1	34

РУССКИЕ СКАЗКИ

<i>Лидия Терёхина.</i>	
«Ну, куда ты, Запад напыщенный...»	36
<i>Александр Меледин</i>	
Старый рыцарь	37
<i>Анна Мартышина</i>	
«Во мне прорастает тяжёлая правда...»	38

<i>Михаил Сараскин</i>	
П-роза прозы	39
<i>Елена Чебалина</i>	
Смерть солдата	41
<i>Владимир Антипов</i>	
Ответ внуку	43
<i>Нина Шеменкова</i>	
О тётке Дарье	45
<i>Валериан Александров</i>	
Ветераны	46
<i>Дана Лобузная</i>	
Грусть юбилея	47
<i>Владимир Лезин</i>	
Память	48
<i>Анна Мартышина</i>	
Солдаты	49
<i>Виктор Солдатов</i>	
«Время сыплет с ладони в ладонь песок...»	50
<i>Нина Шеменкова</i>	
Бег времён	52
<i>Валерий Токарев</i>	
Русские сказки	53
<i>Лидия Терёхина</i>	
Сельские будни	54
<i>Михаил Сараскин</i>	
Могильный крест	56
<i>Антон Шумилин</i>	
Синяки под глазами берёз	57

<i>Анна Коржавина</i> 9 мая 2006 года	58
<i>Виталий Фатеев</i> Германия	59

ТРОМБ РАСКАНЬЯ

<i>Марина Герасимова</i> Ностальгия	61
<i>Антон Шумилин</i> Жажда	62
<i>Елена Баранова</i> «Заорать и проснуться в Советском Союзе...»	63
<i>Сергей Жидков</i> «Мир переломлен на осколки ...»	64
<i>Анна Коржавина</i> «А нам остаётся ветер...»	65
<i>Анна Мартышина</i> Декаданс	66
<i>Евген Вразумихин</i> Коллапс	67
<i>Софья Конищева</i> Мухи	68
<i>Антон Шумилин</i> Быть проще	70
<i>Марина Герасимова</i> Размышления на закате	71
<i>Лидия Терёхина</i> Вам	72

<i>Валериан Александров</i> Уходящие	73
<i>Марина Герасимова</i> Багряное время	75
<i>Владимир Антипов</i> Боль моя – страна моя	76
<i>Марина Герасимова</i> Моление	77
<i>Нина Шеменкова</i> Душа России	78
<i>Елена Бафинова</i> «Это сколько же нужно грешить...»	79
<i>Владимир Лезин</i> Так повелось на Руси... ..	80
<i>Сергей Жидков</i> За!	81
<i>Евген Вразумихин</i> Я пью отраву	82
<i>Михаил Сараскин</i> «Я ощущал в себе отцовское начало...»	84
<i>Софья Конищева</i> Шизофреник	86
<i>Лидия Терёхина</i> Конец века	88
<i>Дмитрий Володин</i> «На колёсах или шагом...»	90
<i>Елена Бафинова</i> «На 302-ой два плацкартных до Пензы!...»	91

В ЭТОМ ЗЛОМ ТЕЛЕВИЗОРЕ

<i>Евген Вразумихин</i>	
TV Shit...	93
<i>Антон Шумилин</i>	
Рождение истины	95
<i>Михаил Сараскин</i>	
Эфемерный рай рекламы	96
<i>Антон Шумилин</i>	
Реклама	97
<i>Михаил Сараскин</i>	
Поп-дрель	98
<i>Евгения Старкова</i>	
Улица углов	100
<i>Анна Коржавина</i>	
«Перед городом я каменею...»	101
<i>Сергей Жидков</i>	
«Жалко замёрзший автобус...»	102
<i>Елена Чебалина</i>	
«Ночной вокзал, пустой перрон...»	104
<i>Владимир Лезин</i>	
«Напыщен, зол, угрюм...»	106
<i>Анна Коржавина</i>	
«Мы уши ногами закроем...»	108
<i>Виктор Хабибулин</i>	
Чёрный стих	109
<i>Юрий Серебряник</i>	
«Я не охотился за смертью...»	110
<i>Антон Шумилин</i>	
Непонятно	111

<i>Виктор Хабибулин</i> Пермской трагедии посвящается	112
<i>Лидия Терёхина</i> Вам II	114
<i>Елена Чебалина</i> Город	115
<i>Вера Дорошина</i> Рождественское	116
<i>Лидия Терёхина</i> «Вожди плетут красивые слова...»	117
<i>Александр Меледин</i> «Так вышло – мы жили – и, может быть, жили неплохо...» ..	119
<i>Сергей Жидков</i> «И когда полетят короны...»	120
<i>Анна Коржавина</i> «Время падает как топор...»	122
<i>Анна Мартышина</i> «Космос болит в глазах...»	123
<i>Сергей Жидков</i> Фосфорные блохи	124
<i>Елена Бафинова</i> «Октябрь. Туман. В тумане фонари...»	126

СКОРО

<i>Анна Коржавина</i> «Век пятнадцатый. Гром в ушах...»	128
<i>Анна Мартышина</i> «Молчишь и думаешь... О чём ты думаешь...»	129

<i>Юрий Серебряник</i> «Срок вышел. Приговор подписан...»	130
<i>Елена Барина</i> «Здесь всюду нищие, куда ни посмотри...»	131
<i>Павел Сухоруков</i> Смеркается	132
<i>Марина Герасимова</i> Моя страна	133
<i>Лидия Терёхина</i> «Наши души берутся измором...»	134
<i>Марина Герасимова</i> О богатеях	135
<i>Антон Шумилин</i> Скоро	136
<i>Евген Вразумихин</i> Лабиринт	137
<i>Антон Шумилин</i> Рыбий почерк варёного глаза Луны	139
<i>Софья Конищева</i> Колесо	140
<i>Сергей Жидков</i> С Новым годом!	141
<i>Антон Шумилин</i> Вечер ледяной и поздний	143
<i>Анна Мартышина</i> Постапокалиптическая сказка о вреде бездействия	145
<i>Лидия Терёхина</i> «Мы меняли перо на лопату...»	146

<i>Александр Меледин</i>	
«Зато мы научились забывать...»	147
<i>Елена Чебалина</i>	
«Кричать, молчать? Остановиться...»	148

РЕВАНШ

Поэтический сборник

Под редакцией члена СП России Лидии Терёхиной

Составитель – Сергей Жидков

Редакторы: А. Мартышина, М. Герасимова, Д. Лобузная

Ответственный за выпуск – Марина Герасимова

Сдано в набор 28.05.11. Подписано в печать 31.12.2011. Формат 60х84¹/₁₆.
Бумага офсетная 80 г/м². Гарнитура «NewBaskervilleC». Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 9,1. Уч. -изд. л. 3,75. Тираж 100 экз. Заказ

Типография ИП Попова М. Г.: 440000, г. Пенза, ул. Московская, д. 74, оф. 211.
Тел. (8412) 56-25-09 E-mail: tipograf_popovamg@inbox.ru